

— Привет, Гермиона, — сказал Гарри, ранним утром спустившись в пустынную гостиную, после того, как плюхнулся на ее любимый диван; Флер и остальная компания еще не появлялись.

— Привет, Гарри, — улыбнулась Гермиона и вернулась к своей книге.

Гарри уже заметил, что видеть Гермиону без книги в руках, так же странно, как, скажем, безрогого единорога.

Он тайком изучал ее, размышляя, не стоит ли что-нибудь сказать. Вопреки распространенному мнению, Гарри не был ненаблюдательным — он просто не всегда правильно интерпретировал увиденное. Этот дефект особенно усугублялся в отношении семейных или межличностных проблем вследствие воспитания у Дурслей.

Дурсли не были примерной семьей; кроме болезненных — и, скорее всего, надуманных — проявлений привязанности к Дадли, Гарри редко удавалось заметить в их действиях, что-либо указывающее на симпатию хотя бы друг к другу, не говоря уже об остальных.

Собственно, выросши в такой обстановке, и делая все возможное, чтобы они его не замечали, и, следовательно, не приносили неприятностей, Гарри уж точно не был экспертом в отношениях и обычных знаках, которые большинство людей неосознанно показывают вместо эмоций.

Последние несколько недель намерения Рона были столь ясны, что даже слепой бы разобрался. Гарри бы заметил, даже если бы Рон не подошёл поговорить о его чувствах к Гермионе. Из тех слов, которыми они обменивались вчера вечером, и того, что Флер буквально оттащила его от друзей, следовало, что Рон уже набрался смелости, чтобы пригласить Гермиону на свидание.

На самом деле у Гарри было два мнения. С одной стороны, они были лучшими друзьями, и он хотел для них счастья. Но учитывая все их перепалки, он не был уверен, что они станут хорошей парой, и не хотел вступать между ними в такие моменты, как это часто было. Первостепенное значение, однако, имело то, что он не выдерживал, когда Гермионе было больно...

— О чем ты думаешь, Гарри?

Избавившись от задумчивости, он заметил её понимающую улыбку; он явно был не таким незаметным, как он думал, а Гермиона очень внимательна.

— Я только хотел узнать, нужно ли мне тебя поздравлять?

Гермиона нахмурилась. — Зачем, Гарри?

— Ты знаешь... — он прервался, делая непонятные жесты руками. — Ты и Рон?

На это Гермиона просто взорвалась хохотом, в свою очередь сконфузив Гарри. — Что?

— Гарри, мне кажется, ты тоже можешь ошибаться.

Он был в полном недоумении. Неужели он правда ничего не понял?

— Рон тебя не приглашал?

— Приглашал, но я сказала ему, что я не думаю о нем в этом смысле, — ответила Гермиона.

— Ты можешь представить нас вместе? Он был бы заколдован до конца медового месяца!

Хмыкнув, Гарри обнял ее за плечи. — Лично я догадался еще до конца вечеринки, но ты знаешь лучше. И я хочу, чтобы ты знала, что я могу быть немного более наблюдательным, чем ты думаешь. Действия Рона в последние несколько недель были не такими хитрыми.

— Нет, не были. Но если ты действительно такой наблюдательный, ты заметил, что я его плохо одобряла.

Немного подумав, Гарри все же понял, что она хотела сказать. — Я мог не заметить, но в свою защиту хочу сказать, что я пытался ему не мешать. Я не уверен, что вам будет хорошо вместе, но ты могла бы дать ему шанс.

— Я не могла. Ты знаешь, каким он может быть. Если бы я согласилась, он бы считал меня своей собственностью. Если бы я много говорила с другим, он бы ревновал, а когда пришло время с ним расстаться — а это случилось бы, рано или поздно — его бы почти невозможно было заставить уйти. Так будет лучше.

Гарри поднял руки в знак капитуляции. — Я понимаю, Гермиона. Очевидно, ты много думала об этом. Ты же знаешь, что его нужно отпустить, по крайней мере, на время.

Вздых встретил его заявление. — Я знаю, но лучше сделать это сейчас, чтобы мы могли быть друзьями и дальше.

Она спокойно размышляла несколько мгновений, и Гарри, чувствуя, что ей есть что сказать и пытаясь расшифровать свои собственные чувства, позволил ей подумать. Раньше он никогда не попадал в такую ситуацию — это было нелегко.

— Я не хотела причинить ему боль, — призналась она, наконец, тихим голосом. — Он мой друг, независимо от того, что он иногда делает. Я пыталась легко подвести его и объяснить ему, как плохо мы бы с ним ладили; я уверена, что в конце концов он задумался, но я прекрасно понимаю, что ему нужно будет все обдумать, прежде чем он смирится.

— Ты все сделала правильно.

Гермиона удивилась. — Это от Гарри Поттера, нового исследователя человеческого сердца?

— Нет, — ответил он, не вникая в ее озорные слова. — Это просто Гарри Поттер, который ценит свою подругу и понимает, что она знает, чего хочет.

На этих словах по лицу Гермионы прошла тень, и она покраснела и смущенно втянула голову. Гарри был ошарашен — он сказал правду, не так ли? Она отвергла ухаживания Рона, потому что была уверена, что они не сработают; она сомневалась в своем решении?

Лучше бы он это не замечал. Если бы она хотела довериться ему, он не сомневался бы, что

причина для такой реакции есть. А до тех пор он бы не мешал ей разбираться самой.

В соответствии с предсказанием Гарри, Рон в тот и несколько следующих дней отстранился от них. Он не был раздражительным, он, скорее, казался необычайно задумчивым и меланхоличным, и, хотя он иногда смотрел на Гермиону и казался несчастным, у Гарри сложилось впечатление, что он больше думает, чем обижается. Гарри был просто рад, что его не заставляли снова судить между ними, как он думал, что это было бы результатом такого происшествия.

Флер, однако, казалась неизменным утешением для Гермионы, и, учитывая действия его невесты накануне вечером, он подозревал, что она не только хорошо знала о том, что произошло между Роном и Гермионой, но и активно консультировала ее. Гарри надеялся, что Рон так это и не понял, поскольку подозревал, что советы Флёр были не в его пользу. Это вряд ли могло бы расположить её к рыжему, независимо от того, насколько мечтательным он всё ещё иногда становился из-за её обаяния.

Они сидели рядом, ранее важная тема разговора теперь была забыта в пользу более простых тем, пока Флёр не присоединилась к ним в гостиной. Когда они спустились в Большой зал, то обнаружили довольно неприятный сюрприз, ожидавший их перед дверями — нечто неожиданное, что заставило их остановиться и посмотреть на происходящее.

К стене со стороны входа в Большой зал было прикреплено несколько больших деревянных шкафчиков, запираемых большими старинными навесными замками. В каждом из них была установлена стеклянная крышка, внутри которой были видны желтые пергаменты. Трио посмотрело друг на друга и приблизилось к ящикам, заглянув внутрь одного из них, находящегося ближе всего к двери. Там было написано большим шрифтом:

Объявление

Образовательный декрет №1

Для собственной безопасности, студенты, обучающиеся в Хогвартсе, не должны применять опасные заклинания и проклятия. Любой, замеченный за нарушением этого постановления, будет немедленно исключен.

— Что такое образовательный декрет? — через несколько долгих мгновений спросила Флер.

— Я не знаю, — ответила Гермиона. — Никогда не слышала о таком.

Быстрая проверка показала, что в других ящиках были аналогичные декреты, хотя ни один из них не был таким серьезным, как первый. На самом деле большинство других были несколько глупыми, начиная от разрешенного количества бумаги и перьев, которые можно носить в сумке, и заканчивая требуемым количеством носков, которыми должен владеть каждый ученик, а также запретом на любые «несанкционированные сладости», хотя что именно являлось несанкционированными сладостями, не было указано.

Переглянувшись, они вошли в Большой Зал, сели около середины стола и тихо обсуждали

увиденное, поедая завтрак. Через некоторое время, остальные присоединились к ним, и ни один не пропустил объявления.

Все согласились, что декреты — работа Амбридж и попытка усилить власть министерства над школой.

По словам Гермионы, она еще ничего не сделала, кроме того как отказалась учить нас, и сомнительно, что Фадж задумывал именно это, когда посылал ее сюда.

Согласные кивки встретили ее заявление, но Гарри нахмурился.

— Но зачем все это? Несколько глупых указов навряд ли помогут ей дискредитировать Дамблдора.

На этот вопрос никто не смог ответить. Чтобы по-настоящему взять школу под контроль — если это точно была ее цель — Амбридж должна была как-то покончить с Дамблдором, но никто не знал, как бы она могла совершить этот подвиг.

Суд над Гарри серьезно пошатнул кресло министра, а популярность Дамблдора, казалось, никак не пострадала от удара, который получил Фадж. Амбридж должна была доказать, что он не подходит для этой должности, или как-то нарушил устав школы или министерские законы. Это было практически невозможно, учитывая многие годы в качестве директора и его по любым меркам безупречный послужной список. Она не могла просто вызвать его на дуэль — никто в здравом уме не счел бы маленькую толстенькую женщину с навязчивой тягой к розовому равной знаменитому победителю Грин-де-Вальда.

После завтрака они отправились на уроки, не имея ни малейшего понятия, чего Амбридж хочет достичь, но полные решимости очень внимательно за ней наблюдать.

В течение того дня Гарри никак не мог сосредоточиться ни на чем, кроме одного важного события на горизонте. Суд над Сириусом был назначен на следующий день, и чем дальше, тем больше Гарри отвлекался. Не настолько, конечно, чтобы не замечать реакцию его друзей. Флер и Гермиона были более ласковыми и понимающими, чем обычно, а все остальные — кроме Рона, который держался сам по себе — лишь выражали свою поддержку и не мешали ему думать. Гарри был им за это очень благодарен.

На следующее утро его отстранённость достигла пика. Так как суд не начнется раньше чем через два часа после полудня, нужно было посетить утренние уроки. К несчастью, в тот день были зелья, и Гарри, не желая доводить Снейпа, заставил себя уделить уроку толику внимания. Хорошо, что не пришлось ничего варить — в понедельник обычно занимались варкой, тогда как в четверг был урок теории и подготовки — если бы он попытался сварить хорошее зелье, оно бы непременно зрелищно испортилось. Снейп, возможно зная причины его нервности — или еще вспоминая его недавний выброс — оставил Гарри наедине с собой.

Одно происшествие удивило большинство студентов. Очевидно, под конец урока изменения в обычном поведении Гарри были замечены весьма нежелательным человеком.

— Эй, Шрамоголовый, — раздражающий голос Драко Малфоя разнесся по комнате, когда все

уже собирали вещи. — В чем дело? Твоя пикси тебя бросила?

Гарри крутанулся на месте, благополучно забыв о необходимости сдерживаться. Он уже приготовился забить ему зубы в глотку, когда его перебил другой голос.

— Это лишнее, мистер Малфой.

Весь класс оторопел и воззрился на зельевара. Снейп правда защищает Гарри Поттера?

Причина беспорядка была не менее поражена. Глаза Малфоя широко открылись, а челюсть приготовилась к встрече с полом. — Профессор...

Снейп поднял бровь, пресекая все попытки что-нибудь сказать.

— Что-то непонятно? В моем классе нельзя использовать ненормативную лексику.

По лицу Малфоя прошли сразу несколько эмоций, включая шок, смущение и ярость. Наконец он отвернулся от профессора, который посмел в первый раз остановить его, и закинул книги в сумку с гораздо большей силой, чем требовалось.

— Крэбб! Гойл! Уходим! — кинул он на выходе, вынуждая обоих поспешить.

Гарри развернулся к профессору Снейпу и кивнул, заметив, что тот смотрит на него. Снейп также ответил кивком и скрылся в кабинете, мантия развевалась сзади.

— Никогда бы не поверил, что увижу такое, — восхищенно пробормотал Рон.

Гарри размышлял о словах Снейпа, сопровождая друзей на обед. Очевидно, поведение летучей мыши все еще было лучше; в противном случае он бы просто смотрел и ликовал. От Гарри не ускользнуло, что выговор был только за слова, а не за чувства, значит, изменения еще не зашли далеко.

Через час, троица попрощалась со всеми и отправилась в кабинет Дамблдора, а оттуда в Министерство через камин. Вообще, Дамблдор не хотел позволять Гермионе присутствовать. Флер была невестой Гарри, и ее отец тоже был замешан, но Гермиона не имела никакого отношения к Гарри или Сириусу. Однако, директор был вынужден отступить, когда Гарри указал, что Гермиона была важной частью спасения Сириуса на третьем курсе, и таким образом, была с ним связана.

Итак, по прибытии в кабинет, они вернули Дамблдору вежливое приветствие, и, спустя мгновение и быстрое путешествие через каминную сеть, уже направлялись на десятый уровень, в зал заседаний Визенгамота.

С галереи зал смотрелся совсем по-другому. В последний раз, когда Гарри здесь был, сидел в центре, и времени осматривать окрестности совсем не было. Что в зале отличалось от воспоминаний двухмесячной давности — атмосфера. Неуклонность Фаджа была заменена на

любопытство. В конце концов, Сириус Блэк некоторое время являлся довольно значимой фигурой в магической Англии. По слухам, он был предателем Поттеров, следовательно Мальчика-Который-Выжил, который сбежал не только из Азкабана, но и из Хогwartса, когда его должны были подвергнуть Поцелую. О его невиновности было публично заявлено, словом, интерес на суде был невероятно высок.

Как только они сели, Жан-Себастьян вошел в зал. Выискав их глазами, он подошел, обнял дочь, похлопал Гарри по спине и кивнул Гермионе.

— Вы все выглядите сегодня... нетерпеливыми.

Гарри не мог избавиться от застенчивости, внезапно охватившей его, и заставил Жана-Себастьяна смеяться.

— Не беспокойся, Гарри. Сегодня Сириус выйдет отсюда свободным. Если помнишь, я допрашивал его под Веритасерумом.

Гарри поднял глаза на нового защитника, но Жан-Себастьян просто ухмыльнулся и пошел к Дамблдору.

— Он прав, Гарри, — Мягко подтвердила Гермиона откуда-то сбоку. — Беспокоиться совершенно не о чем.

С другой стороны Флер взяла его за руку. — Веритасерум нельзя перехитрить, Гарри.

Гарри благодарно кивнул этому проявлению поддержки. Но это не избавило его от нервности.

В маленькой боковой комнатке ждал Сириус Блэк, и, хотя он не знал, он нервничал точно также, как и его крестник. Сириус знал, что он невиновен, он фанатично держался за эту мысль — только она и анимагия держали его в здравом уме, с тех пор, как он очнулся в Азкабана. Конечно, если бы зашла речь о его здравом уме, Лунатик и Сохатый утверждали бы обратное...

Сириус с улыбкой вспоминал о друзьях, об их планах встряхнуть мир и сделать его лучше. Их уникальное происхождение: Джеймс — наследник древнего и уважаемого дома, Сириус — мятежный отпрыск исторически темного семейства и Ремус — отвергнутый миром из-за обстоятельств, от него не зависящих, дало им возможность понять — по крайней мере они так думали — все пороки общества. Все должно измениться, или этот мир рухнет сам по себе как анахронизм.

Даже когда со смерти Джеймса прошло много лет, и острая боль немного затупилась со временем, Сириус все еще ощущал дыру там, где когда-то был Джеймс, и он знал — Лунатик чувствует то же. Гарри начал заполнять ее, но Сириус знал, что она никогда не исчезнет. Гарри был немного другим, и занимал в сердце Сириуса другое место.

Но может быть, те мечты еще не умерли? Гарри был яркой и исключительной личностью? Возможно с его помощью, не говоря уже о поддержке его славы и влияния — что нельзя не учитывать — они еще смогут реализовать их. Сириус был уверен, что Гарри еще не думал что

делать, когда Волдеморт будет повержен; вся его энергия направлена на эту цель, кроме необходимости выживания. Сириус, основываясь на планах, составленных им с друзьями, хотел изменить общество, без сомнения, когда он расскажет, Гарри согласится. Не учитывая энтузиазм маленькой магглорожденной, с которой он проводил время. Она бы увидела еще четче, что если волшебный мир хочет выжить, он должен измениться и покончить с условиями, приведшими к появлению нескольких предыдущих темных лордов.

Сириус знал лучше, чем любой другой, что Джеймс и Лили еще смотрят на сына сверху. И их самым большим желанием было бы — несмотря на все его ошибки, например того, что он преследовал Петтигрю, когда обязан был позаботиться о Гарри — чтобы Сириус и Луни заняли свое место в жизни мальчика. И Сириус решил это сделать. После того, как он будет объявлен свободным, конечно же...

Возвращаясь к предстоящему суду — магические суды были гораздо более действенными и эффективными, чем аналогичные у маглов, судя по рассказам Лили, так как была возможность использовать магию для выяснения правды. На этом суде будет полный состав Визенгамота, и хотя Сириус не отказался бы от адвоката — Жана-Себастьяна, так как они решили, что Дамблдор будет полезнее в качестве Верховного Чародея — доказательство невиновности обвиняемого не входило в его обязанности. Если процесс достаточно важный или сенсационный — в его случае оба критерия — применение Веритасерума санкционировалось, и подсудимый должен был сам осудить или оправдать себя.

К несчастью, Сириус не должен быть убежден, что предатель — Питер. Под действием Веритасерума человек может говорить только то, что сам считает правдой, так что зелье нельзя использовать на ком-то ещё.

Одним словом, Сириус не Питер, не может знать о чем Питер думает, что чувствует или почему что-то делает, поэтому только Питер может осудить себя под действием Веритасерума.

Факт, что Сириус присутствовал, когда Лили накладывала Фиделиус, и видел, как Хранителем стал Петтигрю, был бы решающим, но поскольку он ушёл сразу же и не возвращался до смерти Поттеров, он не мог с уверенностью заявить, что Хранитель не сменился после.

Однако его показаний было достаточно для того, чтобы выдать ордер на арест предательской крысы. Когда-нибудь он будет вынужден заплатить за свои преступления против Джеймса и Лили. По мнению Сириуса, это было Мародерское правосудие — за предательство будет назначено самое суровое наказание.

Дверь открылась, и в комнату вошёл аврор — одна из тех, кого бы Сириус хорошо знал, если бы не сидел в Азкабане.

— Время, Сириус, — сказала Нимфадора Тонкс, ее волосы меняли цвет от торжественного чёрного до платинового.

— Привет, Дора.

Она уставилась на него, несомненно размышляя, не является ли это ее новым прозвищем, специально придуманным, чтобы дразнить ее.

— Что, предпочитаешь называться Нимфи? — усмехнулся Сириус.

— Конечно, нет! — отшатнулась Тонкс, отчего Сириус только громче рассмеялся.

— Тогда смирись. Это гораздо лучше, чем нелепо требовать, чтобы тебя называли по фамилии.

Выражение лица вновь окрещённой Доры стало ещё темнее, но она ничего не сказав лишь подтолкнула Сириуса к двери. Сириус встал и направился на выход, остановившись около кухни.

— Спасибо, Дора, — сказал он. — С нетерпением жду, когда я узнаю тебя получше.

Она склонила голову. — Мама всегда говорила о тебе только хорошие вещи. Она никогда не верила, что ты виновен.

Сириус расплылся в улыбке.

— А я всегда говорил, что Анди лучшая из сестёр. Спасибо.

Повернувшись, Сириус вышел через коридор в зал суда, высоко держа голову, в то время как Дора и другой аврор оказались с обеих сторон от него. Чувствуя, как все в зале смотрят на него, Сириус, взывая к духу старого Мародера, послал наглую ухмылку министру, а затем улыбнулся Гарри и двум девушкам рядом с крестником. Улыбка была встречена молодым человеком несколько нервно, но с надеждой, сияющей в его глазах. Сириус поклялся быть достойным надежды крестника.

Министру это не нравилось. Он сидел, откинувшись в кресле, и смотрел на представление Сириуса. Министр ни имел никакого политического влияния в то время, когда Сириуса посадили — он даже ещё не был тогда министром, и не мог нести никакой ответственности, кроме как из-за халатности, мешавшей кому-либо из высокопоставленных лиц пересмотреть дело, но тогда был бы виновен не он один. Выглядело так, как будто министр был недоволен исключительно Гарри Поттером — все, что благоприятствовало Гарри, автомагически получало анафему.

Добравшись до центра зала, где его ждал Жан-Себастьян, Сириус заметил, что кресло с цепями, которое он помнил ещё в бытность автором, куда-то исчезло, а его место занял деревянный стул с прямой спинкой. Он вопросительно поднял бровь.

— Я не позволил Гарри сидеть в том унижительном кресле; неужели вы думали, что я позволю вам? — доброжелательно поинтересовался тот.

— Удивительно, что Фадж разрешил.

Жан-Себастьян презрительно фыркнул. — У него не было выбора и никаких нормальных причин спорить. Из-за вашего отсутствия вы не знаете, но этот суд будет только считаться формальным. Мадам Боунс считает, что нет необходимости в ограничениях, раз уж вы сами пришли.

— Я всегда знал, что она мне нравится, — сказал Сириус, улыбнувшись Амелии. Она вернула

улыбку, прежде чем продолжить разговаривать с Дамблдором.

Когда Сириус занял свой стул, в зале стало тише, и всеобщее внимание обратилось к Верховному Чародею, который встал, чтобы начать заседание.

— Благородные леди и джентльмены Визенгамота, я полагаю, мы готовы начать. Я призываю суд к порядку.

Он глянул вниз на Сириуса. — Благодарю за присутствие на суде.

— Конечно, Верховный Чародей, — ответил Сириус. — Я весьма заинтересован в очищении моего имени и возвращении себе места в обществе.

— Очень хорошо. Мы начинаем. Дамблдор сделал жест по направлению к мадам Боунс.
— Директор, если позволите.

Мадам Боунс поднялась и заняла место перед кафедрой.

— Сириус Орион Блэк, вы предстали сегодня перед Визенгамотом Великобритании, чтобы ответить на обвинения против вас. Обвинения включают предательство Джеймса Поттера, Лили Поттер и Гарри Поттера Тому-Кого-Нельзя-Называть. Вы также обвиняетесь в убийстве Питера Петтигрю, а также тринадцати маглов во время вашей схватки с вышеназванным Питером Петтигрю. Как вы считаете?

— Невиновен по всем обвинениям, мадам директор.

— Мистер Блэк, — она внимательно посмотрела на него через монокль, — вы осознаете, что применение Веритасерума будет санкционировано, и вы должны будете подтвердить свою невиновность?

— Да, — его глаза на миг затуманились, когда он вспомнил погибшего друга. — Я рос вместе с Джеймсом, он был моим лучшим другом, а Лили к седьмому курсу стала как сестра. Я бы лучше сам подставился под убивающее проклятие, чем причинил вред кому-нибудь из них.

Мадам Боунс подождала еще несколько секунд, прежде чем позвать авроров.

— Аврор Долиш, принесите, пожалуйста, Веритасерум.

У Веритасерума был один интересный аспект — хотя, возможно, он специально так разрабатывался — если принять сначала противоядие, оно вместе с зельем образовывало высокотоксичную смесь, человека могло спасти только мгновенное вмешательство квалифицированного целителя или безоар. Поэтому испытуемого не проверили сначала на контрагент — симптомы были слишком хорошо известны.

Запрокинув голову, Сириус позволил аврору отмерить положенные три капли на язык. Эффект почувствовался сразу же: он все еще командовал телом и знал, что с ним происходит, но любая ложь, которой он мог воспользоваться, просто исчезла из сознания. Он не мог придумать новую, вот почему сыворотка правды была так сильна — она не влияла на речь, она влияла на

мозг, волю и бытие, и никакое зелье из известных или сила воли не могли победить ее.

Он сфокусировался на мадам Боунс, тогда как она глядела на него. Вскоре она удовлетворилась действием зелья и начала задавать вопросы.

— Назовите ваше имя.

— Сириус Орион Блэк.

— Хорошо, мистер Блэк. Действительно ли вы, в ночь на тридцать первое октября тысяча девятьсот восемьдесят первого года, предали Джеймса, Лили и Гарри Поттеров Сами-Знаете-Кому с намерением вызвать их смерть?

— Нет. — Сириус хотел бы сказать больше, но сыворотка позволяла отвечать лишь на заданные вопросы.

— Были ли вы Хранителем их тайны?

— Нет.

— Почему вы не захотели стать их хранителем?

— Мы с Джеймсом считали, что я — очевидный выбор. — ответил Сириус, радуясь возможности рассказать всю историю. — Мы дали всем понять, что Хранителем буду я, но в последний момент поменяли на Питера Петтигрю.

— Почему вы сделали это?

— Дезинформация. Сами-Знаете-Кто охотился бы за мной, а в это время Питер должен был спрятаться. Никто бы не заподозрил, что Джеймс доверил свое спокойствие Питеру, так как он не был известен, как хороший или храбрый волшебник.

— Присутствовали ли вы при наложении чар Фиделиуса?

— Да.

— Что об обвинении в убийстве Питера Петтигрю? Вы убивали его?

— Нет.

— Тогда как он сделал все так, чтобы казалось, что он мертв? Что случилось во время боя?

— Когда я нашел Питера, он держал палочку за спиной. Он кричал на меня, обвиняя в предательстве, потом запустил взрывающее проклятие, оно прошло через трубу и спровоцировало взрыв, убивший маглов. Он отрезал себе палец, чтобы это было похоже на остаток от тела, оторванный взрывом, и аппарировал.

— Почему вы не сообщили об этом задержавшим вас аврорам?

— Я был дезориентирован взрывом и когда я пришел в себя, я находился в Азкабане.

Мадам Боунс могла только посочувствовать.

— Что вы скажете о побеге? Почему вы сбежали из Азкабана? И, если вы могли сбежать,

почему вы так долго там сидели?

— Я сбежал из-за отчаяния, когда узнал, что Питер рядом с Гарри.

— Откуда вы это узнали? — перебила мадам Боунс.

— В течение ежегодного посещения Азкабана министром, он оставил мне копию его экземпляра Ежедневного Пророка. Там я увидел колдографию Питера Петтигрю с семьей Уизли, и, когда я понял, что он будет в Хогвартсе, я должен был быть ближе к Гарри, чтобы защищать его.

— Мне кажется, я помню то издание, — сказала она, нахмурившись. — Изображение семьи Уизли было на передовице, очевидно, что человек, который умер более десяти лет назад, не мог там открыто появиться. Вы все же утверждаете, что видели его?

— Да.

— Объясните.

— Анимагическая форма Питера Петтигрю — крыса. На фотографии он сидел на плече Рональда Уизли.

Директор задумчиво кивнула.

— Вы утверждаете, что Питер Петтигрю жил в виде крысы в семье Уизли со времени его таинственного исчезновения?

— Я не знаю, как и когда он попал к Уизли. Однако, я рад, что это был он.

— Но как вы догадались? — продолжала давить мадам Боунс.

— Я видел эту крысу много раз, мадам, — ответил Сириус, нотка сухости проскользнула в голос несмотря на сыворотку. — Кроме того, у нее не хватало пальца на левой передней лапе, того самого, который Питер отрезал. Я также видел его в Хогвартсе в человеческой форме.

— Так что вы отправились в Хогвартс, чтобы защищать Гарри?

— Да, но также поймать или убить крысу, если получится.

— Вернемся к побегу. Как вы это сделали?

— Я перешел в анимагическую форму и протиснулся сквозь прутья.

Она вскинула бровь.

— Вы хорошо владеете анимагией?

— Да.

— Какова ваша анимагическая форма?

— Черный грим.

— Это совершенно не смешно, — сухо ответила мадам Боунс. — Грим по имени Сириус Блэк —

немного не то, что можно спланировать. Вы не согласитесь?

— Да. Мои друзья часто дразнили меня из-за этого.

— Что вы делали дальше?

— Я избегал дементоров — это было несложно, они почти не замечали меня в виде собаки — потом доплыл до берега.

— Так вы уклонялись от дементоров, посланных поймать вас?

— Так.

Прекратив вопросы, мадам Боунс оглядела зал и остановилась на Дамблдоре. — Верховный Чародей, у меня больше нет вопросов к мистеру Блэку, хотя я бы попросила встретиться позже, дабы задать еще несколько вопросов наедине. Дополнительно я бы порекомендовала начать искать местонахождение Питера Петтигрю.

Дамблдор посигналил Долишу, который немедленно ввел противоядие. Сириус почувствовал, как побуждение говорить правду исчезло.

— Я полагаю, информация, которую я предоставил, была как раз тем, что вы искали? — нагло спросил он.

Волна хохота накатила на собравшихся, глаза Дамблдора подернулись безумием.

— Думаю, да, мистер Блэк.

Дамблдор оглядел зал. — Кто хочет сказать что-нибудь до голосования?

Хотя Дамблдор обращался ко всем, он прямо смотрел на Фаджа, который, несмотря на то, что ему явно не нравилось заседание, никак не прокомментировал его — так что никаких вспышек от министра по поводу процесса не было.

— В таком случае, в свете показаний мистера Блэка под действием Веритасерума, обвинения против него провалены. Я считаю, что доказательства достаточно убедительны, чтобы оправдать его без голосования. Кто против?

Сириус усмехнулся. Таким путем никто не будет ставить приговор под сомнение, а размер министерских репараций будет значительно больше.

Когда никто не высказался, Дамблдор постучал мотолком.

— Оглашаю приговор. Сириус Блэк, мы нашли вас невиновным во всех выдвинутых против вас обвинениях.

Радостный вопль раздался со стороны Гарри, и даже Дамблдор позволил себе улыбнуться.

— Я понимаю, что у вас сегодня случился праздник и не задерживаю вас. Тем не менее, нам нужно обсудить еще одну вещь.

— Из сегодняшних показаний мы уяснили, что вы нарушили закон как минимум в одном случае. За нерегистрацию анимага полагается срок в Азкабанае, но, учитывая проведенное вами там время, суд дает шестьдесят дней на регистрацию в министерстве, в противном случае это может быть использовано против вас. Вы поняли?

— Да.

— Что касается компенсации за несправедливое тюремное заключение, может нам стоит обсудить этот вопрос в другое время?

Министр, казалось, проглотил что-то несъедобное.

— Я считаю, что это приемлемо, Верховный Чародей. Сообщите мне о подходящем времени, и я встречусь с вами и министром.

— И мадам Боунс, — продолжил он, обратив внимание на директора Департамента Магического Правопорядка, — Я буду рад встретиться в любое удобное время. Пожалуйста, пришлите сову, и мы договоримся.

Мадам Боунс кивнула, Дамблдор еще раз оглядел зал. — Желает ли кто-нибудь из августейшего собрания добавить еще что-то?

В наступившей тишине Дамблдор стукнул молотком и распустил собрание.

Сияющий Сириус поднялся со стула и обнял крестника.

— Привет, Щеночек! Еще не потерял веру в меня?

— В тебя нет, — ответил Гарри. Он значительно посмотрел на Фаджа. — В него.

— Даже он связан законами. Он мог попытаться обойти их, но процедура была предельно четкой, и не испортив свою репутацию, он ничего не мог сделать.

— Я просто рад, что все закончилось.

— Я тоже, Щеночек. Я тоже.

Они вновь собрались в поместье посла вскоре после того, как Сириус был объявлен свободным, и были угощены праздничным ужином, приготовленным домовиками Делакуров. Атмосфера была радостной, и компания смогла расслабиться после того, как призрак охоты за Сириусом исчез.

Среди тем, обсуждавшихся в тот вечер, были события начала учебного года, которые представляли особый интерес как для Сириуса, так и для Делакуров. И хотя они оба были недовольны выходками мадам Амбридж и в меньшей степени профессора Снейпа, они также

были довольны тем, как студенты справлялись с делами до сих пор, и поддержкой, которую оказывал им директор школы. Сириус, в частности, заинтересовался рассказом о конфликте Гарри со Снейпом, а также тем, как Снейп сделал выговор Драко в то самое утро. Он предупредил их, чтобы они остерегались сального мерзавца — он не думал, что он изменился хоть в какой-то степени. Тот факт, что до сих пор все выглядело хорошо, не помешал взрослым еще раз предупредить подростков и напомнить им, что они доступны в любое время, если кто-то из профессоров станет серьезной проблемой.

Было также принято решение о том, что Сириус вернется во Францию для продолжения лечения и реабилитации в связи с многолетним недоеданием и психическими расстройствами, от которых он страдал во время пребывания в Азкабана. Гарри был недоволен, что Сириуса не будет рядом, но, как отметил Жан-Себастьян, Гарри придется вернуться в школу, а Сириус все равно не сможет находиться поблизости. Сириус пообещал, что увидит их на Рождество, и выразил надежду, что к Новому году он сможет вернуться в Англию. Он также сказал Гарри, что надеется как можно скорее взять на себя его опеку и начать выполнять обязанности, возложенные на него Джеймсом и Лили. Нет нужды говорить, что это предложение было с энтузиазмом воспринято Гарри.

Вечер был для них всех приятным, а по усадьбе раздавались смех и веселье. Однако, поскольку все хорошее должно заканчиваться, их время того вечера подошло к концу, когда директор собрал их для возвращения в Хогвартс. После того, как они попрощались, они вернулись в школу через камин. Это был хороший день — один из лучших, по мнению Гарри.

Настроение Рона Уизли в Хогвартсе было не таким праздничным.

Если Рон был честен с самим собой, то то, что он чувствовал в тот момент, было раздражением. Гермиона, девушка, о которой он мечтал большую часть прошлого года, и, наконец, набравшись смелости пригласить её на свидание, отвергла его. Конечно, его это сильно пострадало, но даже более того, он почувствовал боль в сердце. Почему он ей не понравился?

Гермиона отрицала это, но Рон не был настолько слеп, чтобы не видеть больше ее эмоций, чем она думала. Рон был уверен в том, что Гермиона всё ещё питает чувства к Гарри. Дело в том, что он более чем немного ревновал к своему лучшему другу. Гарри Поттер, Мальчик-Который-Выжил, победитель Волдеморта и весь такой знаменитый парень имел привязанность одной девушки, которую Рон Уизли хотел бы полюбить. Все это было так несправедливо, тем более, что Гарри ничего не мог с этим поделать, будучи обрученным с Флер Делакур.

Маленькая часть разума Рона покосилась на него, сказав ему, что это не совсем так. В конце концов, у Гарри могло быть больше одной жены, но хотя Гермиона была магглорождённой, и ему нужно было осторожно подойти к этому вопросу, он не удивился бы, если бы её любви к Гарри было достаточно для того, чтобы помочь ей преодолеть социальное недовольство многоженством, чтобы согласиться стать второй женой.

Почему Гарри всегда везет? Такая красавица, как Флёр, уже попала в руки, а такая замечательная девушка, как Гермиона, увлеклась им.

Но даже когда ревность Рона усилилась, ему было стыдно за себя. Гарри был не из тех парней, которые хотели бы владеть всем — на самом деле, совсем наоборот. Он никогда не хотел своей славы, она была навязана ему. И если Гермиона действительно была влюблена в Гарри, то Гарри был парнем, который действительно заслужил такую девушку, как бы больно ни было Рону это признавать.

Чем больше он думал об этом, тем больше Рон был убежден, что ничего не сможет поделать с этой ситуацией. Поднять шум вокруг отказа Гермионы означало не только рисковать ее дружбой, но и дружбой с Гарри. Он был уверен, что Гарри не потерпит, чтобы кто-то обидел Гермиону, лучший друг или нет. И последнее, чего хотел Рон, это повторить прошлый год...

Но кто знает? Может быть, Гермиона была только увлечена Гарри. Может, она бы выросла из этого. Ей все-таки было всего шестнадцать; сколько людей на самом деле нашли настоящую любовь в таком нежном возрасте?

Тут к нему пришла другая мысль. Гермиона всегда не походила на свои года по интеллекту и эмоциональной зрелости. Хотя её чувства ещё могли оказаться не большим, чем просто подростковым увлечением, Рон знал, что это всегда было чем-то большим. С того самого Хэллоуина, когда они были троём, он подсознательно знал, что были он и они вдвоём, а не трое. Вообще если бы контракт с Флер не вмешался, были бы только Гарри и Гермиона.

Нет, чем скорее он примет реальность, тем лучше, так как это позволит ему вернуть все в нормальное русло. Рон гордился своей эмоциональной зрелостью — это, безусловно, гораздо лучше, чем он вёл себя в прошлом году.

Кроме того, последние слова Гермионы все ещё звучали в голове. Сказала ли она правду? Нужно было подумать об этом подробнее в своё время, но её отказ пока казался чересчур грубым. Позже будет достаточно времени.

Размышления о прошлогодних событиях опять ввергли Рона в задумчивое настроение. Гермиона права — Гарри сразу же простил его, но они так и не поговорили о случившемся, и видно, что это повлияло на их отношения. Неудобно, но нужно поговорить и извиниться. Такое больше не должно произойти.

Придя к решению, Рон почувствовал себя лучше, чем в последние месяцы. Он подождёт подходящего момента, и поговорит с Гарри, все-таки лучший друг.

Обратив внимание на происходящее вокруг, Рон заметил, что гостиная оказалась довольно пустой. Было уже поздно, он хотел дождаться Гарри, но чувствовал, что, может быть, лучше пойти спать. Он увидится с ними завтра.

Он уже хотел встать с дивана, как его с обеих сторон поймали Фред и Джордж, с обычными улыбками на лицах. Рон подозрительно смотрел туда-сюда — когда они так выглядели, у них в рукаве было что-то болезненное или неловкое.

— Добрый вечер, Рон, — сказал один.

— Как ты себя чувствуешь в этот прекрасный вечер? — подхватил второй.

Рон посмотрел на братьев. — Что вам нужно?

— Эй, ты что, не хочешь поговорить с любимыми братьями?

— Он нам не доверяет, Фордж.

— Хмм... Куда он пойдёт с таким отношением, Дред?

— Пожалуйста, я уже собирался идти спать, — взмолился Рон, зная, что они могут шутить практически бесконечно.

— Конечно, не нам отказывать тебе во сне, Ронни. Но последние пару дней ты слишком подавленный.

— Мы подумали, что сможем помочь.

— Я в порядке, — грубовато ответил Рон. — Ничего такого, чего не вылечит немного сна.

К несчастью, шутники и не думали отступаться.

— Я думал, что ты будешь на вершине мира — сказал это Дред, так как другой из близнецов уже назвал себя Форджем. Вообще, не имело никакого значения, кто есть кто, так как каждый из них откликался на любое из четырёх имён, да и думали они совершенно одинаково.

— Почему?

— Нууу, ты же использовал книгу, которую мы тебе дали, не так ли? — ответил Фордж.

— Тогда уже сейчас прелестная мисс Грейнджер должна быть готова есть из твоих рук.

— Да ваша тупая книга не сработала. — насмешливо отрезал Рон.

Глаза Дреда расширились от удивления.

— Ты ей уже признался?

— Да, и она меня отшила, — пробурчал еще не отошедший Рон.

Близнецы переглянулись и ухмыльнулись, насторожив Рона. Если они пошутили над ним с этой книгой...

— Эй, что происходит? Что вы лыбьтесь?

— Ничего конкретного.

— Нет, вообще ничего.

— Ну тогда я Мерлин, колитесь уже.

Ещё раз близнецы переглянулись, будто они разговаривают. Рон уже начал злиться, но о нём вспомнили и успокоили его.

— Мы должны отдать тебе должное, Рон — сказал Дред, улыбаясь — мы не думали, что в тебе есть такое.

— Мы думали, что ты будешь месяцами ждать удобного момента, чтобы ей сказать. Ты нас удивил.

— Не вижу смысла в долгом ожидании, — пожал плечами Рон.

— Нет, я не о том. Как истинный гриффиндорец, ты понёсся вперёд, независимо от того, что у тебя не было шансов.

— Ты почти напомнил нам своих любимых Пушек — они проигрывают всё чаще и чаще. Все они настоящие гриффиндорцы, хотя и не лучшие.

— Я подозреваю, в них есть ещё немного и от Хаффлпаффа.

— Даже не вспоминаю о полном отсутствии того, что хотя бы напоминает мастерство. Но, наверное, это необходимое условие при вступлении в команду.

Первый близнец глубокомысленно кивнул словам его напарника, но Рон даже проигнорировал оскорбление его обожаемой команды.

— Ч.... Что вы имеете в виду, без шансов? — запинаясь, смог произнести он.

Фордж уставился на него как на флоббер-червя.

— Надеюсь ты же не думал, что у вас с Гермионой что-то будет?

Рон брызжал слюной от негодования. — Да почему же?

— Да потому что вы такие разные — прервал Дред — вы сталкиваетесь, ссоритесь, обижаетесь друг на друга. Отношения между вами бы несколько не продлились. Гермиона прокляла бы тебя прежде, чем ты бы успел принести обеты.

Прищурившись, Рон уставился на своих братьев.

— Тогда если вы знали, что у меня шансов нет, то книгу эту тупую зачем давали?! Хотели поржать надо мной?

— Я смертельно ранен твоими мыслями о нас, Ронни, — выдал Дред, положив руку туда, где должно быть сердце.

— Что мы такого сделали, чтобы так к нам относиться? — сказал Фордж.

Когда Рон не перестал прожигать их взглядом, они чуть не застонали.

— Ну, наши прошлые действия могли сделать тебя подозрительным.

— Но в этот раз мы невинны как младенцы.

— Ну тогда зачем давали?

— Чтобы у тебя была возможность выбраться из ситуации, — сказал Дред, — иначе ты бы крутился как белка в колесе, прежде чем дать возможность пристрелить тебя.

— Этим самым мы вытащили тебя намного раньше, чем ты бы справился сам, и наделили необходимой уверенностью.

— Даже не говоря о том, что книгой можно пользоваться, чтобы приударить и за другими девочками.

— Хотя мы бы посоветовали научиться так вести всегда, а не только перед девушками.

— Кажется, ты должен нас поблагодарить за нашу всестороннюю помощь и поддержку.

Рон не знал, следует ли возмущаться или смеяться. Они подставили его, дали ему книгу и вселили надежду, ожидая, что он потерпит неудачу. Он хотел злиться — хотел выпустить пар на них — но каким-то образом понял, что не может найти в себе такое желание. Никто не скучал, когда близнецы были рядом, и Рон подумал, что он должен был быть более подозрительным к их явной щедрости. Отчаяние, казалось, сделало его не столь внимательным.

— В следующий раз когда я вас встречу, я верну вам книгу, если всё получится.

— В этом случае обращайся к Фреду — это его идея, — сказал Фордж.

— Эй, я точно помню, что она была твоей! — ответил Дред.

Рон, однако, развернулся и пошёл прочь. — Повеселились, валите!

— Очень хорошо, — сказали они, вставая, — мы лучше пойдём забрать свой выигрыш.

Они хотели уйти, но не успели пройти пару шагов, как до Рона дошло. — Выигрыш?

— Да кое-кто имел глупость поспорить, что Гермиона будет с тобой.

— Зная тебя, мы заключили пари и оказались в плюсе.

Сверкая одинаковыми ухмылками, близнецы развернулись и неспешно пошли, наверное, чтобы получить вышеупомянутый выигрыш.

Рон снова оказался в незавидном положении, в котором не знаешь — смеяться или плакать. Но он не делал ни того ни другого, так как очень устал и хотел чтобы день поскорее закончился.

Он поднялся с дивана и поплёлся в сторону лестницы, очередной раз давая себе клятву, что никогда больше не будет брать что-либо у близнецов, будь это их помощь или те подарки, что всегда чем-то оборачиваются. Да и их помощь всегда заканчивалась уничтожением его гордости и достоинства.

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263472>